

Народная русь

Аполлон КОРИНФСКИЙ

Классному руководителю, учителю-словеснику или историку часто для бесед со старшеклассниками требуется интересный и познавательный материал. Например, такой, где открываются забытые страницы жизни русского народа, его вековые традиции и обычаи, поверья и приметы.

Замечательную возможность познакомиться с миром стародавней России предоставляет книга Аполлона Коринфского «Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М.: Моск. рабочий, 1994). Поэт, публицист и собиратель фольклора А.А. Коринфский (1868–1937) в предисловии к первому изданию в 1901 г. писал: «Жизнь русского пахаря красна праздниками: к ним приурочено и огромное большинство простонародных сказаний, поверий и обычаев. Поэтому-то в основу своих очерков я и положил эти «красные» дни, отведя месяцеслову («круглому году») народной Руси чуть ли не две трети своей работы».

В помощь педагогам и воспитателям мы, начиная с этого номера журнала, будем публиковать отдельные главы из этой мудрой, самобытной и глубоко поэтической книги.

Сретенье

Сретенские морозы зачастую ещё дают деревенскому люду довольно ощутительно знать о том, что зима не хочет сдаваться весне. Но недаром сльвёт Сретение (2 февраля*) у поселыщины-деревенщины за последнюю встречу зимы с весною в их вековечной неравной борьбе. В этот день, по народной примете, зима даёт отчаянный бой выезжающей на солнечную стезю молодой весне: после Сретенья бежит старая наутёк, торопится, избегая встретиться даже со взглядом светлых пламенных очей своей забирающей всё большую и большую силу соперницы — чувствует она, лиходейка, что теперь не на её заваленную начинающими оседать снеговыми сугробами улицу праздник идёт!

* Здесь и далее – по старому стилю. – Прим. Ред.

Пришёл месяцц-бокогрей,
Землю-матушку не грел —
Бок корове обогрел,
И корове, и коню,
И седому старику
Морозу Морозычу...
Ты, Морозко, не серчай,
Из деревни убегай —
Что за тридевять земель,
Да за тридесять морей!
Там твоё хозяйство
Ждёт тебя — заброшено,
Белым снегом запорошено,
За ледяными печатями,
За семью железными замками
Да за семью засовами! —

поётся в старинной простонародной песне, и теперь ещё кое-где распеваемой шумливой деревенскою детворой в первые февральские ДНИ.

С кануном праздника Сретения Господня связано в памяти русского простолюдина по-

верье, ведущее своё начало исстари веков и до сих пор сохранившееся во многих местностях. В этот день в старину совершалось в деревнях — а местами старый обычай и до сих пор соблюдается — заклинание мышей, которые к этому времени, истощив свои скудные запасы, подбираются под скирды и начинают беспощадно, безданно-беспошлинно пользоваться чужим добром — кормиться на крестьянский счёт. Заклинание трусливых, но опасных более иного храбреца исконных врагов пахаря-хлебороба сопровождается особой, освящённой многовековой давностью обрядностью. Призывается сведущий старик-знахарь, какие не перевелись до последних дней в деревнях. Сначала угощают его честь честью, по заведённому отцами-дедами, а затем приступают к ограждению скирд и стогов от «мышьяди». Знахарь вынимает из середины заклинаемого по снопу (или по клоку, если дело идёт о сене) со всех четырёх сторон, «с четырех ветров», бережно складывает всё это в кучу — с особыми нащёптываниями — и несёт в избу к пригласившему его домохозяину. Здесь принесённое помещается в чисто-начисто выметенную, жарко натопленную перед тем печь и разжигается накалённую докрасна кочергою. Остающаяся после сожжённых снопов или клочков сена зола тщательно выгребаётся и переносится на гумно, где и высыпается в те места, откуда были вынуты снопы. Домохозяин с женою сопровождают знахаря на гумно с хлебом-солью и новым холщовым полотенцем, которые и поступают по выполнению обряда в собственность совершающего его. А знахарь, всыпав золу в надлежащие места, причитает: «Как железо на воде тонет, так и вам, гадам, сгинуть в преисподнюю, в смолу кипучую, в ад крошечный. Не жить вам на белом свете, не видать вам травы муровой, не топтать вам росы медяной, не есть вам белоярой пшеницы, не таскать вам золотого ячменя, не грызть вам полнотелой ржи, не точить вам пахучего сена. Слово моё ничем не порушится!» Вслед за произнесением приведённого заговора, имеющего, по словам суеверных стариков, устрашающую и даже губительную для мышей силу, знахаря снова угощают в хате чем Бог послал и затем прощаются с ним, прося не обессудить «на угощеньи и на отдареньи».

Старые, сведущие в приметах люди уверяют, что если с вечера в канун Сретенья небо будет усеяно звёздами, то и зима ещё не скоро «зачнёт плакать» и что весна зацветёт на Руси позднее обыкновенного. Но большинство примет о погоде связано с самым Сретеньевым днём. В «Народном дневнике» Сахарова говорится, например, что в Тульской губернии после сретенских морозов не советуют выезжать в дальнюю дорогу на санях, не доверяя зиме. Оттепель, случившаяся на Сретеньев день, служит, по местному поверью, предвестницею «худой и гнилой весны». Костромичи-крестьяне не вполне соглашались с туляками относительно влияния сретенской оттепели на предстоящую весну: они говорят, что если на Сретеньев день «от воробья стена мокра» — будет только ранняя весна. Рязанцы, уверяющие, что «всегда на Сретенье зима с летом встречается», наблюдая идущий на этот праздник снег, замечают коротко, но довольно определённо: «На Сретенье снежок пригонит на весну дожжок!» (т. е. — весна будет мокрая). Если же в этот день метёт снежная заметь, они прибавляют к только что приведённому другое присловье: «Коли на Сретенье метель дорогу переймёт, то корма подберёт» (т. е. осень-де будет поздняя, и корма для животины не хватит).

В Каширском уезде в тридцатых-сороковых годах XIX столетия во многих деревенских уголках повторялся следующий любопытный рассказ, подтверждавший, по словам рассказчиков, основательность поверья о том, что на Сретенье не следует ездить в дальний путь. «Жил-был когда-то, — рассказывали словоохотливые каширцы, — старик с семьёю сытно и богато. Было у него всего много, и во всём ему была спорина. Наградил его Господь детками умными и талантливыми. Чего сам старик не додумает, то детки домыслят, а чего детки не сумеют, то отец научит. Поженил старик всех детей в один день, а женившись, задумал напоить, накормить всех сватов и сватей, а корм для них порядил на широкой Масленице. Вот и вздумал старик на промысел съездить вдаль за рыбою, заработать копейку и гостей удовлетворить. Старик всё собирался, ждал пути и дороги; глядь-поглядь — и Сретенье на дворе, а там и Масленица на носу. И собрался старик всей семьёю, опричь баб и ребят, а на поезд снарядил семь подвод. Как почуяли бабы про наряды за рыбою, так и невесть что вышло. И повоюют, и поплачут бабы вокруг мужей — не тут-то было! Задумали бабы свои хитрости: и сны-то им

недобрые снились, и тоска-то на них не к добру напала, и Домовой-то их к худу давил. Известно — бабье дело: не спорь с ними! Нет-таки, старик не слушает баб. «Поеду-таки, поеду за рыбою, накормлю об Масленице сватов и сватей», — говорит он им. Ведь не что сделаешь с мужиком: упрям живёт и отродясь не слушает! Как на беду, на самое Сретенье началась оттепель. Взыли бабы пуще прежнего от лихой приметы: «Погляди-ко, родимой, на двор! Какая стала оттепель! Ведь морозы-то минули; подуло с весны! Не бывать добру, не видать мужей!» — голоса бабы. Старик всё-таки думает: поеду да поеду! Вот и поехал старик за рыбою на семи подводах, а на тех подводах посажал сыновей, да и сам сел. Ждут бабы своих мужей неделю, а об них и слуху нет; ждут и другую, никто вести не кажет. Вот и пёстрая неделя наступила, а родимых всё нет! Подошли и заговины, а с ними и слухи пошли: вот там-то мужик утонул; а там-то двух мужиков замертво нашли... Воют бабы пуще прежнего. Кому Масленица, а бабам Великий Пост! И прослышали бабы о беде: на Волге-де их мужья подломались с подводами. Никто-то не спасся...» Рассказ кончался не менее своеобразным выводом: «Вестимо дело, у того и беда на носу висит, кто примет не чтит да не слушает старых людей!»

В Сретенье, на склоне дня, незадолго до сумерек деревенская детвора, с отзывчивым любопытством прислушивающаяся к поверьям старых людей и к связанным с ними обычаям, собирается где-нибудь на пригорке, за околицей, и начинает заклинать солнышко, чтобы оно выглянуло «из-за гор-горы» и показало этим, что зима действительно встретилась с весной. В средневожских губерниях несколькими собирателями изустных памятников народного песнотворчества записана следующая, приуроченная к этому обычаю, веющая духом старых сказок детская песенка:

Солнышко-вёдрышко,
Выгляни, красное,
Из-за гор-горы!
Выгляни, солнышко,
До вешней поры!
Видело ль ты, вёдрышко,
Красную весну?
Встретило ли, красное,
Ты свою сестру?
Видело ли, солнышко,
Старую ягу,
Бабу ли ягу —
Ведьму зиму?
Как она, лютая,
От весны ушла,
От красной бегла,
В мешке стужу несла,
Холод на землю трясла,
Сама оступилась,
Под гору покатила,
Встретила весну —
Солнцеву сестру...

Если заклиняемое «солнышко-вёдрышко» и в самом деле выглянет перед закатом «из-за гор-горы», то весёлая гурьба ребят приносит в деревню весть об этом, равнозначную примете, что прошли последние морозы. Если же красное не обрадует заклинавшей-восхвалявшей его детворы — это предвещает сильные власьевские (11 февраля) морозы.

Сретенская оттепель напоминает заботливому деревенскому домохозяину о том, что время начинать починку летней сбруи, как ездовой, так и рабочей-пахотной. Для этой работы существует даже особый день, отмеченный в изустном народном дневнике прозвищем «Починки» (3 февраля). В этот день, поднявшись до белой зари, многие большаки идут в сараи и конюшни — осматривать своих лошадей: не напроказил ли чего с ними Домовой. Существует

во многих местностях поверье, что если почему-либо «хозяин домовитый» недоволен, то он может в ночь со Сретенья на «Починки» «заездить коня». В предотвращение такой напасти ещё с вечера советуют суеверные старожилы привязывать лошадям кнут и онучи на шею. Тогда, по словам их, Домовой не посмеет тронуть лошади, потому что будет думать, что на ней сидит хозяин. Чтобы «задобрить Домового» ещё за несколько дней до этой опасной ночи, хозяйки выставляют после ужина на загнеток горшок каши, обкладывая его горячими угольями. По уверению их, умилоствивляемый покровитель домашнего очага вылезает в полночь из-под печки и ужинает. В старину для усмирения Домового призывали к этому времени знахаря-ведуна, который до пения последних петухов резал на дворе кочета и, выпустив кровь на веник, обметал им все углы в хате и на дворе. После этого можно было не бояться Домового. Если же его ни смирить, ни умилоствивить, то, говорит народ, «из доброго он обернётся в лихого». А тогда беда: «Всё во дворе и в избе пойдёт на изворот, спорина пропадает, скот худеет и чахнет, люди болезням поддаются» и т. д. В Тульской губернии в старые годы в день «Починок» варило особое кушанье «саламата», которою и угощалась вся семья по возвращении большака с осмотра сараев и конюшен. Там и до сих пор уцелела ещё напоминающая про этот обычай старая поговорка: «Приехала саламата на двор, расчиная починки!»

Встретит деревня Сретеньев день, справит «Починки», заплатит дань обычаям пращуров, связанным с залетающею в трубы нечистью, а там и до Власьева дня рукою подать. А с этим последним связано у русского народа столько разнородных, только ему присущих поверий и обычаев, что — если о них вести сказ, то наособицу.

Власьев день

Одиннадцатый день февраль-месяца, посвящённый Православной Церковью чествованию памяти св. мученика Власия*, окружён в суеверном представлении народа причудливой изгородью обрядов, обычаев и поверий, сложившихся в незапамятные годы и изукрасившихся к настоящему времени узорчатой пестрядью последовательных вековых наслоений. С этим днём связана у народа память о древнем Велесе (Волосе) — «скотьем боге», слившаяся с именем воспоминаемого святого, совпадающим с прозвищем языческого божества, которому поклонялись отдаленнейшие предки дышавшего одним дыханием с природою русского пахаря.

* Священномученик Власий — епископ севастиийский, родом из армянского города Севастии, подвизавшийся во времена гонений Диоклетиана и Лициния. Гонения заставили его укрыться в горах Артоса, где он был настигнут своими преследователями и обезглавлен за нежелание отречься от Христа и поклониться языческим богам (312 г.). Покровителем животных св. Власий является потому, что — по преданию — благословлял и исцелял зверей, приходивших к его пустынному убежищу.

По свидетельству летописцев и бытописателей народной жизни, Велес-Волос был почитаем на Руси дольше всех других языческих божеств, в особенности — на севере. В Ростове идол его не был повержен до XII века, хотя задолго ещё до этого ему не воздавалось уже никаких подобающих богу почестей. Ростовское идолище было сокрушено по увещанию св. Авраамия Ростовского. В Киеве же одновременно с крещением св. Владимира Красна Солнышка и его дружины было, по сказанию «Макарьевской Великой Минеи рукописной», совершено сокрушение идолов Перуна и Велеса («Волоса, его же именоваху скотья бога, повёл в Почайну-реку врещи»). Ростовские поклонники Велеса обоготворяли в честь его камень, напоминавший своим видом быка с человеческим ликом. Св. Авраамий, сокрушив идола, воздвиг на месте его храм во имя св. Власия. В Авраамьевском монастыре в числе местно чтимых святых хранился ещё в тридцатых-сороковых годах XIX столетия шестиконечный крест, в руках с которым святитель поверг идола наземь. Надпись на нём гласила: «Сей крест, во граде Ростове в Авраамиеве монастыре св. Иоанном Богословом дан преподобному Авраамиию победита идола Велеса». В Переславле-Залесском такой же, как и в Ростове, идол-камень существовал — не вызывая собою, впрочем, даже и воспоминаний о древнем божестве —

вплоть до царствования Василия Ивановича Шуйского. В Новгороде долго была особая Волосова улица, на которой, по преданию, стоял в старину идол Велеса.

Древнеславянские сказания о богах, называя Велеса пастырем небесных стад, отождествляют его с месяцем (небесные стада — звёздная россыпь). Загадка: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый» относится непосредственно к этому отождествлению. Сходя на землю, по верованию наших пращуров, Велес принимал вид быка, хотя бывали случаи, когда он, по старинному преданию, странствовал между веровавшими в него людьми и в человеческом образе. Богопочитание Велеса являлось в Древней Руси одним из наиболее важных в языческом обиходе: именем бога-покровителя стад клялись наравне с громовержцем Перуном. Об этом свидетельствуют государственные договоры и летописные сказания. Как бог-пастырь, Велес считался и покровителем песнотворчества. В «Слове о полку Игореве»^{*} баян так и называется «Велесовым внуком». Таким образом, ему на славянском Олимпе приписывались некоторые свойства Аполлона Древней Греции и некоторые — Пана, своеобразно объединённые в нечто цельное. Из блаженной страны небесных равнин, омываемых водами облачного моря-окияна, Велес наблюдал недреманным оком за земными пастбищами, охраняя стада, пасущиеся на последних, ото всякой беды-напасти и вызывая этим благоговейное отношение к себе со стороны скотоводов, особенно охотно приносивших ему жертвы.

^{*} «Слово о полку Игореве» — единственный литературный поэтический памятник XII столетия. Безвестный автор «Слова» воспевает неудачный поход Игоря Святославовича, князя северского, на половцев (1185 г.). Этот памятник найден в конце XVIII века графом Мусиным-Пушкиным и впервые издан им в 1800 г.

Совпадение имени христианского святого с языческим богом дало прямой повод к слиянию их обоих воедино. Отцы новорождённой русской Церкви не противились этому, видя в том даже некоторый залог скорейшего предания богов языческих забвению. Таким образом, к св. Власию перешло покровительство стад. До сих пор на Руси повсеместно молят св. угодника — не только в день, посвящённый его памяти, но и во всякое иное время — о защите их. Существуют даже иконы, на которых он изображён окружённым коровами и овцами, подобно тому, как святые Флор и Лавр пишатся с лошадьми подле себя. В коровниках и в хлевах нередко можно встретить в деревенской глуши иконы св. Власия. На крестных ходах во время скотских падежей впереди всех других особо чтимых святынь поднимается богоносцами икона этого угодника Божия.

11 февраля повсеместно служатся власьевские молебны, причём во многих сёлах сохранился обычай пригонять рогатый скот к церковной ограде ко времени служения этих молебнов, чтобы его можно было окропить святой водою. В некоторых местностях приносят в церковь на Власьев день свежее коровье масло и ставят в новой посудине под икону чествующего святого. Это масло в Вологодской, Новгородской и других соседних губерниях так и зовётся «воложным», «волосным» или «власьевым». Оно поступает в пользу церкви и причта. Отсюда ведётся поговорка: «У Власия — борода в масле». После окропления святой водою скот гонят по дворам, причём старухи, идя за своими коровами, причитают: «Святой Власий! Будь счастлив на гладких телушек, на толстых бычков! Чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали!»

В старину по всему богатому пастбищами заселью, а теперь только в захолустной глуши на Власьев день устраивались по селам скотские торги-базары. Суеверное воображение подсказывало как продавцам, так и покупателям, что под защитой умиловленного молебствиями покровителя стад всего выгоднее совершать куплю-продажу скота. «Власий — не обманет, от всякой прорухи упасёт», — говаривали торгаши, умасливая покупателя, прижимистого на добытую потовым трудом деньгу. При сделках клялись-божились на Власьевом торгу непременно именем этого святого, и такая клятва почиталась за самую крепкую — немного выискивалось людей, которые решились бы покривить душою, поклявшись так в этот день. Разгневанный клятвопреступником покровитель, по народному верованию, отступает от него навсегда, предоставляя всяким лихим силам опутывать того всевозможными наваждениями.

Во многих местностях ещё на памяти старожилков в день св. Власия рано поутру (до обеда) совершался обряд опахивания деревни в ограждение от Коровьей Смерти. Иногда это, впрочем, производилось поздней осенью; но в большинстве случаев обряд приурочивался к 11 февраля. С самого Сретенья бродит, по народному поверью, это страшное для скотовода чудище по задворкам. 5 февраля оно осмеливается даже заглянуть во дворы, и беда тем дворам, где найдётся в эту пору незапертый хлев да где с осени не «опахана» деревня. Власьев день и так грозен для чудища более всего на свете; но ещё грознее он, если в этот день соберётся деревня по старому обычаю «унять лихость коровью». Это унимание производилось по особому, соблюдавшемуся с незапамятных времён обряду. Накануне с вечера начинала обегать все подоконья старая старуха-повещалка, созывавшая баб на заранее условленное дело. Собиравшиеся идти за нею в знак согласия умывали руки, вытирая их принесённым повещалкой полотенцем. Мужики от мала до велика должны были во время совершения обряда сидеть по избам («не выходить ради беды великой»). Наступал заветный час — полночь. Баба-повещалка в надетой поверх шубы рубахе выходила к околице и била-колотила в сковороде. На шум собирались одна за другою готовые уже к этому женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами, а то и просто с увесистыми дубинами в руках. Скотина давно вся была заперта крепко-накрепко по хлевам, собаки на привязи. К околице притаскивалась соха, в которую и запрягали повещалку. Зажигались пучки лучины, и начиналось шествие вокруг деревни. Последняя троекратно опахивалась «межеводной бороздою». Для устрашения чудища, способного, по словам сведущих в подобных делах людей, проглатывать коров целыми десятками сразу, в это время производился страшный шум: кто чем и во что горазд, причём произносились различные заклинания и пелись особые, приуроченные к случаю, песни. Вот одна из них:

«От окиян-моря глубокого, от лукоморья зелёного выходили двенадцать дев. Шли путём, дорогой немалою, ко крутым горам высоким, ко трём старцам старым. Молились, печаловались, просили в упрод двенадцать дев: «Ой, вы, старцы старые! Ставьте столы белодубовые, стелите скатерти бранные, точите ножи булатные, зажигайте котлы кипучие, колите-рубите намертво всяк живот поднебесной!» — И кляли велик обет двенадцать дев: про живот, про смерть, про весь род человек. В ту пору старцы старые ставят столы белодубовые, стелют скатерти бранные, колят-рубят намертво всяк живот поднебесной. На крутой горе высокой кипят котлы кипучие, во тех котлах кипучиих горит огнём негасимым всяк живот поднебесной. Вокруг котлов кипучиих стоят старцы старые, поют старцы старые про живот, про смерть, про весь род человек. Кладут старцы старые на живот обет велик, сулят старцы старые всему миру животы долгие; как на ту ли злую смерть кладут старцы старые проклятьице великое. Сулят старцы старые вековечну жизнь по весь род человек...» Допев эту песню и совершив всё, предписанное пережившим века обрядовым обычаем, все расходились по дворам с крепкой надеждою на то, что страшное для скотоводов чудище не осмелится переступить за межеводную борозду.

В первом томе «Поэтических воззрений славян на природу» помещена в качестве грозного заклятия на Коровью Смерть другая, более близко подходящая к этому случаю песня, которая сохранилась и до сих пор повсюду, где даже никогда уже и не вспоминают про обряд опахиванья, в то время как приведённое выше песенное заклинание давно успело отойти в область преданий забытого прошлого.

Смерть, ты Коровья Смерть!
Выходи из нашего села,
Из закутья, из двора!
В нашем селе
Ходит Власий святой
Со ладаном, со свечой,
Со горячей золой,
Мы тебя огнём сожжём,
Кочергой загребём,
Помелом заметём

И пеплом забьём!
Не ходи в наше село,
Чур наших коровушек,
Чур наших бурёнушек,
Рыжих, лысых,
Беловымиих,
Кривоногих,
Одноноги-их!

Если при совершении опахиванья попадалось навстречу какое-нибудь животное (собака или другое), то на него накидывались всей толпой, гнались за ним и старались убить. Поверье гласило, что это попало само чудище, обернувшееся в животное, чтобы пробраться за деревенскую околицу. В старинных сказаниях ведётся речь о том даже, что совершавшие обряд не давали пощады и встречному человеку; но это не подтверждается летописными данными, так что вернее всего может быть отнесено к досужим измышлениям старины, которая сама окрестила сказку прозвищем «складки», противопоставив ей «песню-быль».

Есть в верхневолжских и соседних с ними губерниях деревни, где утром на Власьев день с особыми, к сожалению, не записанными причётами завивают из соломы «закруту» («Власию, или — Волотке, на бородку»), смазывают её скоромным маслом и вешают в коровнике или в овечьем хлеве. Этот обычай ведётся-соблюдается с давних пор, и начало его следует искать всё в тех же верованиях, окружавших некогда память Велеса — скотьего бога, которым клялись воины Олега* на царьградском договоре о дружбе с греками — после того как воинственный князь прибил свой щит «на вратах Цареграда».

* Олег — второй князь русский, наследовавший Рюрику (в 879 г.) в качестве старшего в роде и опекуна над малолетним сыном его Игорем. Новгородские пределы показались тесны ему — и он с сильной дружиною из варягов, новгородцев, мери, веси и кривичей двинулся в поход на другие славянские земли: прежде всего занял Смоленск, за ним — Любеч (город северян) и Киев, где в то время были свои князья Аскольд и Дир. В Киеве он и остался княжить. В 883 году были покорены им древляне, за ними — северяне, радимичи, поляне и другие племена. 20 лет велись эти походы, прославившие смелого воителя. Наконец, во главе несметных дружин изо всех покорённых народов (по словам летописи — до 80 000 человек на 2000 ладьях) он пошёл на греков (в 907 г.) и осадил Константинополь. Осада кончилась торжеством русского князя: императоры византийские Лев и Александр приняли все условия, поставленные им Олеговыми послами, и князь с богатыми дарами и договором вернулся в свой Киев. Современники прозвали его Вещим, очевидно, приписывая его счастливые походы волхвованию. Это прозвище удержалось за ним и в потомстве. Умер Олег в 912 году; ему наследовал Игорь.

Власьевские морозы считаются на деревенской Руси последними (одни из семи крутых утренников). Наблюдающие за переменами погоды приметливые люди говорят: «Власьевские утренники подойдут — держи ухо востро!», нередко прибавляя к этому: «Об ину пору мороз обожжёт на Власья до слёз». В изустном народном дневнике, хранителем которого являются эти погодоведы, существует прямое указание на то, что три утренника до Власия да три после Власия, а седьмой на день Власия». Святой покровитель стад местами так и зовётся: «Власий — сшиби рог с зимы».

Крестьянская детвора помнит о Власьеве дне по сдобным молочным пышкам, которые пекутся в этот «коровий праздник» в память покровителя стад. Хорошая да заботливая, охочая до гостей хозяйюшка напечёт пышек всегда столько, что хватит не только всех ребят досыта накормить-налакомить, а и нищую братию на паперти оделить, чтобы та молила угодника Божия, «святого пастыря», о защите двора подающей «власьеву милостыню» ото всякой напасти. Одну пышку берегут на божнице до нового Власьева дня, так как это является, по словам старых людей, лекарством от скотской болести: стоит-де только покрошить её в мессиво да с молитвою ко Власию дать больной животине — всё как рукой снимет. «Не нами заведено, не нами и кончится, — говорит деревня об этом поверье. — Старые люди Богу лучше нас верили, а и те нам заповедали блюсти Власьеву пышку на всякую беду, на всякий, упаси, Господи, случай».

Сшибёт Власий рог зиме, обожжёт Власьев утренник зазевавшегося мужика до слёз. А

там и «окличка» на дворе стоит, пора окликать звёзды. Мало где уцелел этот обычай, а тоже вёлся он на Руси с пращуровых дней. «Окликали звёзды» или на другой день после Власия, или через трое суток (15 февраля). Делалось это «для плодородия овец». Вечеру по приглашению овцевода выходил пастух-овчар за околицу; клали они оба по три низких поклона на все четыре стороны света белого. Пастух, истово помолвившись святому Власию — «пастырю стад небесных и защитнику земных», становился на разбросанную у околицы овечью шерсть и произносил особую «окличку». Вот сохранившаяся у собирателей старины стародавней запись её: «Засветись, звезда ясная, по поднебесью на радость миру крещёному! Загорись огнем негасимым на утеху православным! Ты заглянь, звезда ясная, на двор к рабу (имярек). Ты освети, звезда ясная, огнём негасимым белоярых овец у раба (имярек). Как по поднебесью звёздам несть числа, так у раба (имярек) уродилось бы овец более того!» Вслед за этим хозяин, приглашавший пастуха на окличку, вёл его в избу, угощал чем Бог послал, подносил вина, наделял чем ни на есть, чтобы тому не с пустыми руками за порог уйти.

В Рязанской, Тульской, Орловской и Владимирской губерниях блюлся в старину по сёлам обычай — выставлять на три утренних зорьки после Власьева дня всякие семена на мороз, а потом подмешивать их в меру при будущем посеве. Это называлось «делать семенное» и делалось — в надежде на обильный урожай. Таким образом, покровительству св. Власия до некоторой степени поручался не только скот домашний, а и будущий его корм. Радельные-заботливые хозяйки, заканчивая ко Власьеву дню пряжу льна и кудели, отбирали лучший изо всей пряжи моток и выставляли его на первую после Власия утреннюю зорьку на мороз. От этого, гласит предание, вся пряжа делается ровнее, белее, тоньше и добротнее. «Позорнишь пряжу после Власия — будешь с деньгами на Маслену!» — говорится в старой поговорке деревенской (т. е. выгодно продашь прядево): «Власий уйдёт, масло на дорогу прольёт...» А широкая Масленица не заставит себя долго ждать после Власьева дня, если не вздумается ей — веселой затейнице — самой об иной год опередить его.